

Принципы глобализации в докладах «Римскому клубу»

В конце XIX – начале XXI в. одной из самых актуальных тем во многих областях научного знания стал анализ процессов глобализации. Термин глобализация в большей степени политический, можно даже сказать политэкономический. Содержание понятия «глобализация» во многом неопределенное, размытое, но его частное употребление и использование свидетельствует о новом этапе интегративных процессов, происходящих между странами, регионами, типами культур. Термин глобализация относительно новый, но проблемы, которые посредством его стремятся выразить относительно «старые» – образца «70-х» гг. XX в. Именно тогда под различными углами зрения были поставлены вопросы, касающиеся форм, способов и путей развития планеты Земля в целом. Особенно остро уже тогда стоял вопрос «о пределах роста», об организации и разумном управлении мирового хозяйства в целом. Именно тогда уже в 70-80 гг. проявились особенности индустриальной культуры в интеграции, виртуализации и создании единого торгово-промышленного пространства. Как в 70-80 гг. XX в, так и в первое десятилетие XXI в.. вопрос не столько в том быть глобалистом или антиглобалистом, а какое содержание процесса интеграции (глобализации) выбирает человечество.

Таким образом, важнейший вопрос, стоящий на повестке дня – это образ будущего (мира, экономического развития, взаимоотношения различных регионов земного шара) и соответственно роль в нем различных типов культур и место человека (личности) в них. В качестве положительного момента в обсуждении этого вопроса необходимо выделить очень важную тенденцию. Она состоит в том, что на смену модели унифицированно-стандартизированного мира (единого и однообразного) приходят концепции, содержащие в себе идею сохранения многообразия в жизни людей. Но все же в огромном большинстве аналитических публикаций роль своеобразия культур и религий, этнопсихологии минимизирована, а очень часто этот аспект вообще отсутствует.

Многие довольно сложные проблемы культурной идентичности «решаются» с позиции вульгарного эмпирического подхода в социологии. И апологеты, и критики глобализации очень любят подчеркивать уменьшение роли национально-государственных образований, а главное увеличение доли (в %) межэт-

нических браков (например, в ФРГ). При этом делается вид, что и проблемы, связанные с этнической идентификацией как бы растворяются и сходят на нет. Но ведь культуры как формы организации жизни людей остаются, также как и язык, история и т.д.

В результате на первый план в анализе процессов глобализации выходят социально структурные изменения (два автономных мира – «богатых» и «бедных»), особенности распространения финансовых потоков, доступность информации и т.д. В итоге получается довольно упрощенная и формально-количественная картина, происходящих в мире изменений. Например, в достаточно умеренно-критическом исследовании У.Бека «Что такое глобализация?» (1997) все сложнейшие процессы взаимодействия культур и этнических идентичностей сведены к увеличению % смешанных в этническом отношении браков и кратком обсуждении проблемы «методологического национализма»¹. В более критичной работе двух редакторов журнала «Шпигель» Г.П. Мартин и Х. Шуманн «Западня глобализации. Атака на процветание и демократию» (1996) этническому разнообразию посвящено 2 страницы (маленький § «Три индуса вместо одного швейцарца»)². В обоих исследованиях нет целостного представления о будущем мире (или о вариантах будущего). Правда, авторы и первого, и второго исследования с огорчением сообщают о грядущем нарушении демократии, уничтожении среднего класса и процесса «бразилизации» как следствия такого типа глобализации. Если У.Бек предрекает «бразилизацию» Европы, то авторы второй книги пророчат ту же участь всему миру³. Под «бразилизацией» они понимают совершенно иную цивилизацию (в свете распределения доходов) – общество 20/:80 (а точнее 10-15 – 85-90). Первая цифра – это мир «богатых», вторая мир «бедных»⁴. Конечно можно понять авторов, сожалеющих о постепенно уходящем комфортном обществе среднего класса и стабильной жизни. Но они описывают ситуацию в основном в «монетарных» понятиях и рассматривают глобальные процессы через стоимостные категории. А реальность значительно богаче. Что будет с народами, культурами, религиями, как будет развиваться взаимодействие мета культур-цивилизаций? В чем особенности развития современной информационно-индустриальной культуры во взаимодействии с традиционным укладом жизни.? К сожалению, эти вопросы как бы не существуют для авторов большинства исследований. На страницах их книг можно лишь иногда встретить схоластическую игру словами, типа, что Африка – это не территория, а только понятие и т.п.⁵.

Очень слабо выражен в современных социологических работах зарубежных ученых важнейший вопрос о регулируемости потоков информации, финансов, продуктов, идей и людей в мире в целом. С этим же вопросом связана проблема «конструирования – производства» будущего. Как хорошо было сказано на ТВ-канале НТВ «от того, что мы покажем сегодня, зависит наше завтра». Вопрос общего устройства мира достаточно интересно решается в книге З.Бжежинского «Великая шахматная доска» (Жаль, что в России он отвел роль «черной дыры»). Стратегия и тактика игры – это ведь тоже форма регуляции процессов. Но, все же намного раньше те же самые вопросы были поставлены в значительно более содержательной форме представителями глобальной экологии и «Римского клуба» в 70-80 гг. XX в. В рамках научно-исследовательских проектов, известных под названием доклады «Римскому клубу» (неправительственной организации, возглавляемой «лучшим менеджером мира» А.Печчеи), был выдвинут ряд идей, предполагавших трансформацию принципов экономической деятельности в индустриальном мире. Прежде всего, впервые была подвергнута сомнению идея необходимости все возрастающего экономического роста. В первом докладе Римскому клубу («Пределы роста» Л.Медоуз и коллеги) было предложено понятие «нулевого роста», которое затем было скорректировано в следующем докладе М.Месаровича и Э. Пестеля «Человечество на перепутье», где уже используется понятие «органического роста»⁶. Кроме этого предполагалось учитывать своеобразие десяти различных регионов мира при индустриальном развитии и, что особенно важно – качество жизни последующих поколений в виде сохранения основных глобально-экологических параметров. Несмотря на то, что метод анализа, который использовали названные авторы, носил математически количественный характер, все же в этих и последующих докладах явно выражено стремление учесть качественные отличия различных регионов (в принципе очень похожих на метакультуры-цивилизации). Самое главное в понимании общекультурного и экономического развития в глобальном масштабе состояло в ограничении стихийного роста индустриализма, (то есть внесении элемента сознательности и понимания ограниченности ресурсов) и заключение процесса модернизации в какие-либо управляемые формы. Интересно, что обе политические «прогрессистские» системы Запад и СССР критически восприняли идею ограниченного роста, так как и в СССР и в США – экономика энергозатратного, а не энергосберегающего типа. Необходимость учета особенностей культуры и других местных условий особенно подчеркива-

ется в итоговой книге основателя Римского клуба А.Печчеи «Человеческие качества» (1977). Особое внимание он уделяет необходимости развития человеческих качеств личности и гуманизации индустриального развития. (При этом он на практике показал возможность создания совершенно новых форм организации производства)⁷.

А.Печчеи, так же, как и его коллеги отстаивал положение о том, что человек может самореализоваться как личность, индивидуальность лишь, когда он в какой-то степени овладеет стихией индустриализма. Суть этой ситуации, сложившейся в мире в 80 гг. XX в. (и она остается таковой и по сей день) наилучшим образом выразил один из идеологов Римского клуба Э. Янч:

«В настоящее время мы начинаем осознавать человеческое общество и окружающую среду как единую систему, неконтролируемый рост которой служит причиной ее нестабильности. Достигнутый ныне абсолютный уровень этого неконтролируемого роста определяет высокую инерционность динамической системы, снижая тем самым ее гибкость и способность изменяться и приспособляться. Стало совершенно очевидным, что в этой системе нет никаких внутренних кибернетических механизмов и не осуществляется никакого "автоматического" саморегулирования макропроцессов. Этим кибернетическим элементом эволюции нашей планеты является сам человек, способный активно воздействовать на формирование своего собственного будущего. Однако он сможет на деле выполнить эту задачу только при условии контроля над всей сложной системной динамикой человеческого общества в контексте окружающей его среды обитания... Что может возвестить вступление человечества в новую фазу психологической эволюции"⁸.

Данная постановка вопроса означает необходимость реализации такого качества человека как устремленность в будущее и применения его идеально-планирующей функции (Разум) при моделировании процесса развития культур в целом (современных и традиционных). Особо отмечу, что Э.Янч говорит о новой фазе психологической эволюции человека. Естественно, что А. Печчеи и его коллеги исходили из определенной модели личности, которую можно реконструировать на основании тех человеческих качеств, которые должны быть реализованы в процессе экономического развития (развитие личности, реализация ее способностей, культурное наследие, этнокультурное своеобразие; сохранение среды обитания, сознательное управление)⁹.

При этом вместо субъективных стоимостных показателей индустриализма А.Печчеи предложил в качестве целей развития экономики (что на сегодняшний день, к сожалению, выглядит сверхутопией) «человеческие качества», среди которых важнейшую роль играло сохранение культурного наследия и естественных качеств природной среды. В целом, как считал А.Печчеи, «проблема пределов человеческого роста и человеческого развития является, по сути своей проблемой главным образом культурной»¹⁰. Интересно, что один из удачливых практиков организации производства (по современной терминологии топ-менеджер концерна ФИАТ эпохи его расцвета) весьма близок в понимании будущего с биологом, основателем этологии человека К.Лоренцем, который полагал, что изменения в современном мире необходимы и возможны лишь на основе «углубленного этнокультурного и социопсихологического анализа как архаических, так и современных культур»¹¹. Созвучны взгляды А.Печчеи и идеям гуманистической психологии А.Маслоу и Э.Фромма, а также концепциям, существующим в культурной и психологической антропологии США.

Важным итогом первого этапа развития Римского клуба явилось исследование Яна Тинбергена «Пересмотр международного порядка» (1976). Эта книга оказалась первой в длинной череде исследований и политических доктрин о новом мировом порядке. Уже после работы Тинбергена появились монографии Бзежинского, Хантингтона и т.д. Надо также учитывать, что первое слово в заголовке работы Я.Тинбергена «reshaping» - можно перевести как перестройка, трансформирование или переход к новым моделям. В данном исследовании констатировалась глобальная взаимозависимость всех людей на земле, и предлагались конкретные меры по преодолению всего диапазона кризисных явлений существовавших к середине 70 гг. XX в. Основная идейная направленность работы выражена в главе 5. «Цели и содержание развития: к справедливому общественному порядку». «Главная цель мирового сообщества, - пишет Я.Тинберген, - надо сформулировать так: достижение достойной жизни и благосостояния для всех граждан мира»¹². Данное утопически-гуманистическое положение получило в «докладе» Яна Тинбергена богатое фактическое обоснование. Кроме этого была разработана тактика и стратегия среднесрочных и долгосрочных форм решения назревших проблем. В качестве важнейших ценностей провозглашались: Справедливость, Свобода, Демократия, Солидарность, Многообразие культур, Чистота природы¹³. Несмотря на кажущуюся утопичность и неосуществимость этих планов, Яном Тинбергенем предлагалась (от имени

Римского клуба) детально продуманная конкретная система мер главных изменений в системе взаимоотношений между различными странами, идеологическими системами, культурами, при признании равноправными традиционные и современные типы обществ. Большое внимание уделялось устранению пропасти между бедными и богатыми, и гармоничной интеграции при сохранении самобытности стран третьего мира в мировое индустриальное хозяйство. Но, пожалуй, самой главной идеей исследования было осознание необходимости движения от хаоса, стихийности к элементам сознательности в развитии экономики. Ян Тинберген обосновывает необходимость нового экономического порядка, состоящего в переходе «от беспорядка в мире к международному порядку»¹⁴. В то время, когда были написаны эти слова, Западная Европа переживала период процветания и стабильности, и мало кто серьезно прислушивался к тревожным прогнозам. По обе стороны океана был моден «исторический оптимизм». Более того, с середины 80- гг. XX в. резко усилилась виртуализация экономики, частный капитал получил практически полную свободу, а бессмысленный рост был канонизирован в системе экономических отношений, которые стали носить спекулятивно плавающий характер. Таким образом, был сделан решающий шаг к неопределенности и нестабильности в будущем XXI в.

Слабым отсветом грандиозных проектов Римского клуба были решения Международной конференции в Рио-де-Жанейро (1992), касающиеся глобальных экологических проблем, которые впоследствии были реализованы в виде особых соглашений, ограничивающих общий объем «выбросов» в атмосферу и выделяющих квоты на потребление воздуха (кислорода) для нужд промышленности каждой страны. Данные соглашения, косвенно ограничивающие рост экономики для развитых стран известны под названием Киотский протокол (они были предложены в г. Киото, Япония). Но это лишь меры количественного характера (хотя со временем они могут привести к некоторым качественным изменениям), а в первых докладах Римского клуба шла речь о постепенных качественных преобразованиях в экономике и изменении основных показателей ее развития.

В 90-е гг. XX в. – в начале XXI в. во взаимоотношениях между различными странами продолжались процессы интеграции. Достаточно интересно эти изменения происходили и происходят в Европе. Тем самым проявляется объективная логика социокультурных процессов. Сразу бы хотелось заметить, что всякий процесс интеграции сопровождается и дифференциацией, проявляющей-

ся как на уровне личности, так и на уровне общностей. Правда, совершенно непонятно почему в ряде работ, посвященных глобализации, вышедших уже во II половине 90 гг. XX в. происходит, мягко говоря, абсолютизация интегральной составляющей, даже делается вывод о близком одинаково однообразном бытии человечества, а затем выводятся различные следствия из этого тезиса, весьма гипотетического и прямо скажем далекого пока от реальности. Например, передача многих государственных функций Совету Европы совершенно не означает нивелировку, единообразие всех культур этой части света и уменьшение роли государственной и надгосударственной бюрократии. Кроме этого интеграционные процессы в других частях мира идут не так быстро. Авторы этих исследований находятся в плену своих формальных умозаключений и создают иллюзию растворения многообразия в процессе глобализации. Даже полная утрата национально государственного суверенитета не ведет к ассимиляции культур. Здесь мы еще раз наблюдаем ту же картину, что и при анализе этнической идентичности в США. Реальный исторический процесс, происходивший в этой стране 60-70-80 гг. XX в. показал непригодность ассимиляционной концепции (*Melting Pot* – пролетарский интернационализм) для описания этнических процессов. На основании эмпирических фактов «возрождения» культур народов, живущих в США, была предложена теория этнического плюрализма. А теперь предлагается ассимиляционистской теорией, отвергнутой практикой*, описывать события, происходившие в глобальном масштабе. Но вот, что интересно. И многие критики глобализации с умилением констатируют утрату национально-государственного суверенитета, путаясь в паутине постмодернизма, рассуждают о чем угодно, но только не о реальных проблемах и конфликтах, существующих в мире¹⁵.

Не растворились разнообразные культуры, религии и не исчезли, к сожалению, многие конфликты, о которых писал еще Ян Тинберген. Более того, с распадом СССР, и ликвидацией противостояния двух идеологических систем, которые обеспечивали некоторую дополнительную интеграцию – унификацию – стабильность, ярче стали проявляться особенности культур и религий и не всегда гармоничным образом. К дополнению к этническим и религиозным конфликтам, которые, кстати, достаточно надежно сдерживаются национально-

* Может быть через 100 или даже 200 лет все «на Земле станут приятно смуглявыми» как в мечтаниях одного из героев «Поднятой целины» М.Шолохова. Но пока говорить об этом рано и ещё неизвестно в каком направлении пойдут интегративные процессы.

государственными образованиями, добавилась борьба за общую модель развития: однополюсный или многополярный мир.

Однообразный универсализм или культурное разнообразие?

Попыткой более адекватно отразить существующие в мире процессы по сравнению со многими работами политологов, политических социологов было исследование С.Хантингтона «Столкновение цивилизаций и трансформация мирового порядка» (1996). Таким образом, автор предлагает еще одно целостное видение «мирового порядка» и «образа мира в целом». Для настоящего изложения особенно важно, какую роль отводит С.Хантингтон многообразию культур в глобальном взаимодействии и соответственно разнообразию в поведении, ценностях, верованиях, то есть тому, что изучает культурная антропология¹⁶.

С.Хантингтон выделяет две точки зрения на будущее развитие культур: мультикультуралистов (по антропологической терминологии – сторонников этнического плюрализма и многообразия культур) и универсалистов. Универсалисты – сторонники новой универсальной культуры, сформировавшейся на основе западной (в основном США) и которая должна быть распространена во всем мире, сметая на своем пути все перегородки и уничтожая ненужное разнообразие культур, религий и т.д. У универсалистов присутствует убежденность в абсолютной значимости западной культуры. Они искренне полагают, «что люди всех обществ стремятся воспринять западные ценности, институты и обычаи. Если же оказывается, что у них нет такого желания и что они привержены своим традиционным культурам, то этих людей считают жертвами «ложного сознания» - сравнимого с тем, какое марксисты обнаруживали у пролетариев, поддерживающих капиталистов»¹⁷. Данное видение очень близко к позиции Г.Стейна, которая рассматривает в главе об этнической идентичности в США. Г.Стейн также ратует за некие общечеловеческие ценности (универсалистскую культуру) резко противопоставляя им этнокультурное разнообразие как «ложное» сознание, как нечто, что можно рассматривать по аналогии с шизофреническим бредом.

На чем же основана необходимость распространения данного универсального типа культур? Сторонники такого подхода «исходят из постулата, что людям во всем мире следует усвоить западные ценности, институты и культуру, потому что те воплощают в себе *самое высшее, самое просвещенное, самое ли-*

беральное, самое рациональное, *самое современное и самое цивилизованное мышление человечества*¹⁸. (выд. мной – А.Б.). К этому высказыванию можно лишь добавить, что у сторонников универсализма явно выражено тоталитарное стремление внедрить именно такой стиль жизни везде, а кто против этого, тот противник прогресса. (Иногда данное явление называют культурным империализмом). Универсалисты опираются на «широко распространенное на западе мнение, что культурное разнообразие – некий исторический курьез, который быстро исчезает в результате экспансии всеобщей, ориентированной на Запад, англофонной мировой культуры...»¹⁹. По мнению С.Хантингтона, в нашу эпоху «этнических конфликтов и столкновения цивилизаций... вера в универсальность западной культуры страдает от трех недостатков: *она неверна, она аморальна и опасна. Ошибочность ее – краеугольная идея этой книги...*»²⁰. (Выд. мной – А.Б.). И далее С. Хантингтон делает интересное дополнение о том, что читатель, которого не убедили доводы изложения в его исследовании «живет в мире, совершенно непохожем на тот, что описывается в этой книге»²¹. (Как тут не вспомнить всемирно известную «Матрицу»).

Каким же представляется мир в работе С. Хантингтона? - Это взаимодействие цивилизаций, которые могут по ряду причин превратиться в столкновения и войны – локального и глобального характера. В определенном смысле С.Хантингтон возрождает цивилизационный подход Н.Данилевского, А.Тойнби, О.Шпенглера. Но не следует забывать, что понятие «цивилизация» мало используется в современной культурной и социальной антропологии ввиду его оценочного характера, подразумевающего противопоставление варварство – цивилизация и рассмотрение различных типов культур как высшие и низшие. «Цивилизации» у С.Хантингтона – это метакультуры, которые объединяет то или иное представление о Боге. Строго говоря, исходящие положения С.Хантингтона наиболее близки к анализу Г.В.Ф. Гегелем «природных духов» - метакультур..

Итак, содержание современной эпохи состоит в столкновении метакультур – цивилизаций. С.Хантингтон выделяет следующие цивилизации: западную, конфуцианскую, индуистскую, буддистскую, японскую, исламскую, латиноамериканскую и африканскую. Африканская метакультура сможет играть такую же роль как остальные только в случае целостного ее развития по пути модернизации. Иногда Хантингтон при анализе проблем современной эпохи рассматрива-

ет интегральную индуистско-буддистскую цивилизацию, в которой в определенной степени примыкает и японская.

Основной тезис, который отстаивает С.Хантингтон, состоит в том, что различия между цивилизациями огромны и еще долго будут оставаться таковыми. Цивилизации – метакультуры несхожи по своей истории, образу жизни и, что самое важное с его точки зрения, по религиям. У людей различных цивилизаций отличаются представления о мире в целом, о свободе, о моделях развития, о соотношении индивида и общества, о вере и Боге. Основопологающим для политолога С.Хантингтона является положение о том, что межкультурные различия более фундаментальны, чем политические и экономические. (Наиболее рельефно позицию С. Хантингтона выражают его следующее суждение : « В мире, где культурные идентичности – этнические, национальные, религиозные, цивилизационные - занимают главное место» они должны оказывать определяющее влияние на политику всех государств, в первую очередь США и Запада.)

По его мнению, конфликты наиболее вероятны по «линиям культурных разломов» или пространственных границ метакультурных общностей. С.Хантингтон считает, что необходимо приложить все возможные усилия для предотвращения глобального военного конфликта. Но в то же время вся книга американского политолога пронизана предчувствием достаточно близких локальных межкультурных столкновений. Иногда в его формулировках присутствует уверенность в грядущих сражениях. Чем она вызвана? Основываясь на его исследовании можно выделить несколько аспектов современной эпохи, способных дестабилизировать обстановку в мире в целом. Согласно его воззрениям, особую роль в определении облика современного мира играет фундаментализм (строгое соблюдение архаических норм, консерватизм и возврат к «старым порядкам») прежде всего в виде религиозных движений. Возврат к традиционным культурным ценностям С.Хантингтон оценивает как реакцию на экспансию западной индустриальной культуры в развивающиеся страны. Особенно ярко подобная реакция проявилась в странах исламской ориентации, которые играют существенную роль в современную эпоху.

Весьма существенным аспектом анализа С.Хантингтона является и то, что одну из причин экстремизма в развивающихся странах он видит как раз в экспансии Запада. И одним из источников будущих конфликтов он рассматривает неумное желание универсалистов насильно внедрять везде западные ценности. Еще Гегель говорил о стремлении господствовать как о фундаментальной «чер-

те западной культуры. «Западный универсализм опасен для мира, потому что может привести к межцивилизационной войне между стержневыми государствами, и он опасен для Запада, потому что может привести к поражению Запада»²². «То, что для Запада универсализм, - отмечает Хантингтон, – то для остальных империализм»²³. С точки зрения американского политолога «Запад насильственно интегрирует незападные страны в глобальную экономическую систему, где он доминирует. При помощи МВФ и других международных экономических институтов Запад поддерживает свои экономические интересы и вынуждает другие страны вести ту экономическую политику, которую считает приемлемой»²⁴. (Выд. мной - А.Б.)

Книга С.Хантингтона содержит много интересных размышлений, фактов и их интерпретаций, сценариев будущего развития событий. Далеко не со всеми его мнениями, оценками конкретно-исторических событий можно согласиться. Но его исследование обладает огромным преимуществом перед большинством работ, посвященных глобализации, так как постулирует культурное многообразие мира на длительную перспективу и полагает естественным стремление к культурной самобытности и сохранению идентичности, понимаемой как «инаковость», как своеобразие, отличность от других.

Важную роль здесь играет сохранение и воспроизводство специфического образа жизни, осознания себя членом культурной общности и сопутствующее этому различия в этнопсихологии. Не случайно С.Хантингтон в заключительной части своего труда «Общности цивилизации» особое внимание уделяет проблеме сохранения культурной идентичности, которую он рассматривает на примере небольшого государства Сингапур. Не отрицая положительного аспекта применения западных технологий, президент этой страны Ви Ким Ви критически оценивает воздействие чуждых ценностей и уклада жизни. Он ратует за сохранение традиционных ценностей, и настаивает на определении «основных духовных ценностей, которые являются общими для различных этнических и религиозных общин Сингапура и которые ухватывают сущность того, что есть сингапурец»²⁵. Таким образом, осуществляется дифференциация в процессе интегративного развития мира.

Основной вывод С.Хантингтона – в процессе будущего развития необходимо найти некое соотношение и формы взаимодействия между индустриализмом и традиционным обществом. И основная задача западной культуры состоит в умении и способности понять и интегрировать ценности не-западных культур,

что совершенно невозможно при абсолютизации универсализма и однообразия образа жизни в мире в целом. Правда, на последней странице своего труда С.Хантингтон говорит, что в «глобальном» настоящем столкновении «между цивилизацией и варварством, великие мировые цивилизации <...> должны держаться вместе, или же они погибнут поодиночке»²⁶. О чем идет речь в приведенной цитате? Какое содержание вкладывает С.Хантингтон в понятие «варварство». Понятие «варварство» для него обозначение упадка культуры, цивилизованности, системные отклонения в обществе, хаос в международных отношениях, глобальная волна преступности, «общий кризис и упадок семьи, снижение уровня доверия и социального единства во многих странах, этническое, религиозное и цивилизационное насилие...»²⁷. Таким образом, понятием «варварство» обозначаются не общества культуры, не воспринявшие до сих пор технологического развития, а всевозможные отклонения от ценностей, всех выделенных С.Хантингтоном наиболее мощных метакультур – цивилизаций. В первую очередь, речь идет об агрессивном экстремизме на религиозной и этнической почве и, что особенно важно, о цивилизационном насилии, к которому в первую очередь необходимо отнести экспансию универсалистов, иногда выражающуюся в форме протестанского экстремизма – фундаментализма, к ничуть не уступающему по непримиримости экстремизму исламскому и в определенном смысле связанного с ним. С.Хантингтон уверен, что у всех цивилизаций и мировых религий, несмотря на всех их различия, очень много общих моментов в понимании ключевых ценностей. Таким образом, сохраняя свою самобытность (цивилизации и религии) имеют возможность сосуществовать и развиваться в интегральном единстве. Правда, С.Хантингтон предостерегает и от абсолютизации мультикультурализма внутри США, так как при определенных условиях он может сильно трансформировать западную цивилизацию.

Окончательный вывод С.Хантингтона: «Мультикультурный мир неизбежен, потому что глобальная империя невозможна. Сохранение Запада и США требует обновления западной идентичности. Безопасность мира требует признания глобальной мультикультурности»²⁸. Идею С.Хантингтона можно также выразить словами Гераклита. «Скрытая гармония лучше явной».

Концепция С.Хантингтона во многом основана на геополитических доктринах. Геополитика происходит из ряда теорий и идей, восходящих к истокам культурной (социальной) антропологии. Это «Антропогеографи» Ф.Ратцеля – основоположника диффузионизма и идеи географического детерминизма фран-

цузских просветителей конца XVIII в. (Проблема влияния природных условий на культуру и психологию личности рассмотрена в четвёртой части учебника). В геополитическом глобальном рассмотрении мира в целом содержится возможность максимального полидисциплинарного анализа, то есть использования самых различных подходов к исследованию интегративных процессов, идущих на Земле. Широкий диапазон возможностей такого подхода продемонстрирован в статьях С.Переслегина «Самоучитель игры на мировой шахматной доске. Основные понятия геополитики». И «Самоучитель игры на «мировой шахматной доске: законы геополитики». В них автор в обобщенной форме представил термодинамически-энергетическую версию геополитики. В его во многом естественнонаучном подходе существенную роль играют народы, культуры, цивилизации. Одно из центральных мест в его концепции занимают проблемы «этногеотектоники», которые группируются вокруг различного взаимодействия «этнокультурных плит». Глобализация же, согласно С.Переслегину «есть изменение характера взаимодействия этно-культурных плит вследствие резкого сокращения «геополитической пустоши»²⁹. Одну из ведущих ролей в современных глобальных процессах играют антропотокки – «социальные процессы, переносящие идентичность»³⁰, то есть самые различные формы миграции населения. Этнокультурные плиты понимаются как «единство суперэтнуса, историко-географического ландшафта, породившего этнос и присоединенного семиотического пространства, порожденного суперэтносом»³¹. Для оценки массовых процессов используется понятие «социальной температуры» как меры беспорядочности общественных движений и формы выражения внутренней энергетики этноса. На примере термодинамически-энергетической геополитической концепции особенно рельефно проявляется одно обстоятельство. Перед нами интересный пример применения естественно-научных методов для анализа комплексных социально-природных процессов. Здесь же мы видим применение количественных, математических методов, основанных на анализе массовых эмпирических процессов. Используется также статистические «возрастно-половые пирамиды» и т.д. Одним из важнейших и фундаментальных показателей («точных», количественных и т.д.) является существование разнообразия в виде «геокультур», «этнокультурных плит», «антропотокков» с различной идентичностью и т.д. Так почему же изрядное количество авторов, пишущих о глобализации не видят, точнее не хотят замечать сложную, разнообразную динамику процессов, происходящих в мире?

Развитие межкультурного диалога есть важнейший аспект современной эпохи. Немаловажную роль в осознании этой необходимости играет культурная (социальная) антропология и этнопсихология во всех существующих в начале XXI в. формах, поскольку все эти дисциплины показывают многообразие культур, норм поведения, стереотипов взаимодействия как естественный закон жизнедеятельности сообществ людей. Всякое развитие, изменение, всякое функционирование достаточно сложных социокультурных систем предполагает процессы дифференциации и интеграции. Если взять «совершенно однородную» общность людей относительно обособить различные группы в ней, то с течением времени в каждой группе появятся свои отличия в поведении, языке и т.д. В реальности процессы дифференциации и интеграции, одновременно осуществляются на самых различных уровнях этнокультурных сообществ человека (профессиональном, экономическом, социальном, этническом...).

В.И. Ленин высказал в свое время одно положение, уместное и в нашем случае: «Прежде чем объединится, нам надо размежеваться». Так и в процессе глобализации объединение, интеграция возможна на основе обособления, дифференциации. Строго говоря, анализ «групповых» отличий (группой в данном случае может быть этническая, социальная общность, народ, жители острова и т.д.) в поведении и есть один из основных предметов изучения культурной антропологии. Несмотря на определенное единство и сходство в проявлениях индустриальной культуры по всему миру, все же культура США отличается от европейской, а итальянская от немецкой, и французская от испанской. Да и в США образ жизни восточного побережья не во всем похож на повседневную жизнь в Калифорнии, а культура Среднего Запада далеко не копия культуры Юга (например, Флориды). Таким образом, индустриальная форма бытия также имеет культурное разнообразие. Но абсолютизация культурных различий в обстановке социального хаоса может приводить и к кровавым и религиозным конфликтам. Например, в Руанде во время конфликта племен тутси и хуту за относительно короткий период времени были убиты 500 тыс. человек. Но «цивилизованный» мир не предотвратил трагедию, более того сделал вид, что ничего особенного не произошло.

Российский историк А.И. Уткин в книге «Мировой порядок» в XXI веке» одной из лучших из отечественных работ, посвященных глобализации, видит одну из важнейших причин более явного проявления межкультурных различий в окончании противостояния идеологий. «Прежде это различие камуфлирова-

лось идеологическими одеждами, - отмечает А.И.Уткин, - ныне камуфляж отброшен и культурное, традиционное – цивилизационное отличие целых регионов друг от друга обнажилось со всей очевидностью»³². При этом нельзя забывать, что этнические и религиозные различия часто приводят к напряженности и войнам, например в Африке, так как здесь был разрушен традиционный образ жизни, хозяйства, регуляции рождаемости и т.д.

Кроме этого чувство идентичности с племенем и конфессией у личности нередко носит весьма узкий ограниченный характер (я – тутси и все; хуто – враг) поскольку оно не было сформировано в процессе энкультурации, в которой закрепляются регулятивные механизмы поведения и в том числе отношение к Другим. Произошло то, о чем предупреждал еще Бронислав Малиновский – разрушение традиционных основ общества, деструкция регулятивных механизмов. Поэтому нередко (в том числе и в Африке) причиной кровавых конфликтов является не возрождение идентичности (самобытности), а «недостаточный объем идентичности». Таким образом, одна из причин столкновения на этнической почве является отсутствие нормального процесса вхождения в какой-либо определенный тип культуры (традиционный или современный). В большинстве своем представители традиционных культур еще не имеют возможности полноценно осуществить вхождение в Западную культуру (в то время как традиционная уже не функционирует в городах). Отсюда огромное разнообразие самых различных форм отклоняющегося поведения.

Еще одной причиной обострения чувства идентичности является неумеренная модернизация и «цивилизационное насилие», которое «на индивидуальном уровне... порождает ощущение отчужденности и распада, потому что рвутся традиционные связи и социальные отношения, что ведет к кризису идентичности, а решение этих проблем дает религия»³³. Необходимо добавить, что не только религия, так как в результате модернизационного давления на более поздних этапах вестернизации нередко происходит «усиление веры народа в свою культуру и укрепляет его культурное самоутверждение»³⁴. Но, ввиду описанных выше обстоятельств, в «возрождении» таким образом идентичности присутствует негативный акцент, она направлена против навязываемой вестернизации, а конкретно против кого-то (определенной страны или народа). Классическим примером этого может служить «исламская революция» в Иране. Таким образом, либерально-рыночный фундаментализм порождает фундаментализм исламский. Итак, чисто механистическое понимание глобализации, со-

стоящее в неуклонном расширении «пространства мировым рынком» не ведет ни к однообразию, ни к гармонии. Да и как оно может привести к какой либо форме согласия, если одна из её черт тотальное насилие. А.И. Уткин приводит мнение ряда аналитиков (в многом отражающее реальные процессы в мире) из журнала « Нью-рипаблик» о глобализации.. Они рассматривают её в качестве продукта « новой технологии, порождающей *принудительное следование экономическим интересам с одновременным подавлением национальных страстей*: общества должны сделать выбор между модернизацией, открытием экономики и политических систем и старыми битвами по поводу территорий и национальной славы» Поэтому нельзя не согласиться с выводом исследования групп ученых в книге «Глобальная трансформация» (1999): «Культурная глобализация, гомогенизация, которые предсказывают в будущем интерпретаторы глобального сближения и единства мира, являются не более чем мифами»³⁵.

. Образ мира – образ человека.

Новый прекрасный мир глобалистов с его однородностью и единообразием должен предложить народам некие ценности и особую форму идентичности взамен разрушенной традиционной.

Идея о неких общечеловеческих ценностях, совершенно не связанных ни с одной культурой присутствует в концепции Г.Стейна. О каких совершенно новых ценностях говорили представители Фонда Карнеги в передаче С.Шустера «Свобода слова» (эфир апрель 1999, НТВ), особенно подчеркивая, что все остальные системы ценностей надо оставить в XX в., так и осталось неясным. В чем же состоит содержание этих «совершенно новых ценностей», которые могут придать новую глобальную форму идентичности личности? Вполне возможно, что политологи, говорящие и пишущие об этом имеют в виду образ глобальной культуры, не привязанной ни к определенному месту, ни к ограниченному периоду времени. Это «смесь, идущая отовсюду и ниоткуда, рожденная на современных колесницах глобальных телекоммуникационных систем. Эклектическая, универсальная, безвременная техническая, глобальная культура будет преимущественно «сконструированной» культурой окончательным и наиболее распространяемым из человеческих конструктов эры освобождения человека и его возобладания над природой»³⁶. (При этом – новая глобальная культура это нечто иное по сравнению с привычной массовой культурой конца

XX века). Из чего же реально будет сконструирована эта новая глобальная культура? На основе цементирования «идеологической приверженности к неолиберальной экономической ортодоксии... Всемирная диффузия консьюмеристской* идеологии создаст новое чувство идентичности, заменяющие традиционные основы и прежний образ жизни. Глобальное распространение либеральной демократии еще более укрепит чувство возникающей глобальной цивилизации, определяемыми универсальными стандартами экономической и политической организации»³⁷. Ведущую роль в организации такого будущего играют транснациональные корпорации. «Международный порядок, определяемый этими силами представляет собой переход от мира суверенных территориальных государств к возникающей мировой деревне». «В значительной мере демократическая версия сочувствующего гражданам государства заменяется неолиберальным жестоким государством»³⁸. (выд. мной – А.Б)

В чем же состоит основное содержание «неолиберальной экономической ортодоксии» к которой надо всем испытывать «идеологическую приверженность» или, говоря попроще, поклоняться? Согласно концепции М.Фридмана, безусловного лидера неолибералов, самое главное в современном мире это движение денежной массы, которое и определяет облик мира и человека. При этом человек рассматривается в качестве безличной силы, достаточно однообразного индивида с полной, но абстрактной свободой Робинзона на необитаемом острове (Liberty, но не freedom). Общество М.Фридмана состоит из Робинзонов, «каждый из которых стремится выбрать свою кривую полезности»³⁹. Основные характеристики такого человека – доход и уровень потребления. Общая методология либерализма «наивный эмпиризм» (самая простая версия позитивизма). Но как замечает автор фундаментального исследования «Основные течения современной экономической мысли» Б.Селигман: «Индивидуум не действует в безвоздушном пространстве: Робинзонов в действительности не существует, как бы эта пресловутая личность не была полезна для формальных экономических моделей»⁴⁰. И еще одна характерная деталь. Очерк о М.Фридмане в книге Б.Селигмана называется «Теория как идеология».

В более общем контексте «неолиберальная ортодоксия» есть поклонение двум идолам: бесконечному росту (производства, потребления) и свободе торговли (точнее – движению капиталов, денежных масс). Свобода торговли безусловно важнейший принцип для экономической деятельности, но стоит ли делать

* от англ. «consumer» - потребитель

его основным символом и базовой ценностью – вопрос весьма спорный. Интересно, что сторонники нового дивного глобального мира очень часто ссылаются на И. Канта, как своего предшественника. Да, он мечтал о гармонии и согласии во всем мире. Но основа глобального мира у него – понимание всех других культур и способность людей общаться друг с другом. Более того, И. Кант считал, что ««дух торговли» испортил характер англичан, и портит характер человека вообще, делает его более самонадеянным, и, что весьма существенно, менее общительным»⁴¹.

Бесконечный рост (часто совершенно бессмысленный) есть объективное условие существования современного индустриализма, выражение общей логики стихийной экономической системы. Для существования в современной форме индустриализм требует бесконечного роста производства и ускоренного потребления. А человек эту мегамашину интересуется лишь как носитель определенных свойств, способствующих ее функционированию и потреблению результатов ее деятельности.

В свете положений рассмотренных ранее можно реконструировать образ человека соответствующего новому глобальному миру («нео-либеральной ортодоксии – идеологии»). Это человек потребляющий, Homo economicus, который «должен отвечать на экономические сигналы однообразным образом безотносительно к своей культуре»⁴². Модель такого человека основана на простейших реакциях, которые легко воспитываются (формируются) с детства. С одной стороны в ней используются положения бихейвиористской теории (стимул – реакция) о деятельности человека как сумме поведенческих реакций, а с другой на теории личности Г.Айзенка, имеющей физиологическую основу. Содержание понятия личность, тип личности в этом случае тесно связан с тем или иным пониманием деятельности человека. Но содержание, смысл, формы, мотивации, деятельности определяются, я бы даже сказал диктуются, идеологией неолиберальной ортодоксии.

А образ, образец человека потребляющего внедряется в сознание людей путем насильственного и неосознаваемого внушения (индоктринируется прежде всего посредством рекламы и деятельности СМИ). Формирование человека потребителя, носителя консьюмеристской идеологии представляет собой неотъемлемую часть энкультурации в современном индустриальном мире. (В последнее время появилось своеобразное увлечение – болезнь, состоящая в том, что люди получают огромное удовольствие от самого процесса покупок (шо-

пинга) очень часто ненужных товаров). Таким образом, формируется психология потребительства, которая, видимо и составляет базовую ценность нового глобального общества*. В принципе, нет ничего особо нового в таком образе личности. Еще Э.Фромм в довольно критической форме выразил особенности человека с консьюмеристской идеологией в понятии рыночный тип социального характера. По мнению Э.Фромма человек, обладающий рыночным типом характера лишён внутренней ориентации. Ему присущи ложные эмоции, идолизация, искаженное чувство любви и бога – таков набор невротических патологий, связанных с бессмысленным, органическим бездуховным существованием.

«Люди с рыночным характером, – пишет Э.Фромм, – не умеют ни любить, ни ненавидеть. Эти «старомодные» эмоции не соответствуют структуре характера, функционирующего почти целиком на рассудочном уровне и избегающего любых чувств, как положительных, так и отрицательных, потому что они служат помехой для достижения основной цели рыночного характера – продажи и обмена, - а точнее, для функционирования в соответствии с логикой «мегамашины», частью которой они являются. Они не задаются никакими вопросами, кроме одного – насколько хорошо они функционируют, а судить об этом позволяет степень их продвижения по бюрократической лестнице»⁴³.

Можно, конечно, упрекнуть Э.Фромма в субъективности, а также не забывать о том, что его слова относятся к реалиям 70-80 гг. XX в., а сейчас положение изменилось... Но, увы, великий финансист, миллиардер и в то же время философ Дж. Сорос уже в XXI в. говорит о «рыночном фундаментализме», угрожающем свободе, а индустриальное общество начала нового века с грустью называет «обществом сделки».

Описывая индустриальное общество, и К.Лоренц, и Э.Фромм, и М.Фридман и другие экономисты значительное внимание уделяли психологическим основаниям современной культуры. Поэтому, используя словосочетание «психология потребительства (потребления)», я полагаю, что надо сделать ударение на слове «психология» (а не наоборот). Вообще вопрос о психологической природе современного индустриального общества достаточно сложен и

* Психология потребительства это не негативный ярлык, а образ жизни и одновременно базовая характеристика современного индустриализма, указывающая на психологические основы современного общества

нуждается в комплексном изучении. В настоящем изложении можно лишь отметить важную роль в становлении психологии идеологии индустриализма такого направления в философии как прагматизм с его специфической трактовкой истины как удобного и полезного. «Мы торгуем друг с другом истинами», писал представитель этого направления У.Джемс, «истина состоит в будущей полезности для наших целей»⁴⁴ вторит ему основатель прагматизма Ч.Пирс. Истины, по мнению У.Джемса, «окупаются», истинное – «говоря коротко, это удобное в нашем мышлении»⁴⁵. Кроме этого значительное место в концепции прагматизма занимает вера, вера в истинность, вера в правильность, полезность. Все эти положения в сложном взаимодействии, переплетении с положениями протестантского вероучения (в первую очередь учения об предопределении избранных – «успешных» людей) и образуют тот психологический фон, на котором развивалась идеология и экономическая теория в США, как важнейшем источнике индустриальной культуры⁴⁶.

Исходя из «методологического индивидуализма» либеральная теория рассматривает всех людей как игроков на рынке. «Способ функционирования рынка, - пишет А.Хайек, - вполне соответствует определению, предлагаемому Оксфордским словарем: соревнование по определенным правилам, где превосходство доказывается силой, умением или удачей. Будучи игрой удачи и способностей рынок...»⁴⁷. Можно лишь дополнить, что тип игры, лежащий в основе индустриализма это «игра шанса» типа покера без ограничения ставок или более простой игры «веришь – не веришь». (Веришь, что акции принесут доход и покупаешь их). Нельзя забывать, что многие показатели современной экономической ситуации в США имеют субъективно-психологическую природу (например, разнообразные индексы доверия). Отсюда огромную роль играют психологические реакции игроков на биржах и реакции потребителей на те или иные события. В последние годы все большую роль стали играть фьючерские контракты (на будущее время), а это в свою очередь влияет на формы и способы подачи информации и т.д. Поэтому все более значение играет «производство будущего» (технология новостей). Иногда складывается впечатление, что работы, повествующие о спокойно-однородном глобальном будущем выполняют важную функцию стабилизации рынка.

Итак, определенный образ мира (либерального) формируют образ человека. Если исходить из работ сторонников универсалистской концепции, то это все тот же *homo oeconomicus*, развенчанный еще в докладах Римского клуба⁴⁸.

Видимо, в действительности, все же в результате взаимодействия интеграционных процессов с процессами дифференциации в форме культурной идентичности и конфессиональной принадлежности в современном мире идет становление различных типов личности в соответствии с принадлежностью их к той или иной цивилизации, метакультуре. Эту идею, а именно положение о культурной обусловленности процессов глобализации на богатом фактическом материале проиллюстрировали создатели сборника «Многоликая глобализация. Культурное многообразие в современном мире» (2002) С.Хантингтон и П.Бергер.

Особое внимание в этой работе привлекает первая часть озаглавленная «Глобализм и альтернативные модели современности». В ней речь идет о культурно-особенных формах – в которых происходят глобальные процессы в Китае, Японии, Индии и Тайване.

Кроме этого в данной работе рассматриваются региональные особенности протекания глобальных процессов в Германии и Венгрии и вопросы, связанные со своеобразием глобализации на периферии (Чили, Турция)⁴⁹. Таким образом, уже сейчас проявляется доминирующее направление интеграционных процессов. Оно состоит в сохранении многообразия в мире в целом и развития этнокультурных форм глобальных процессов в частности. Что же касается индустриальной культуры, то она может безусловно сыграть цементирующую роль при гармоничном взаимодействии с различными проявлениями традиционной культуры. В этом аспекте очень важно понимание других культур, разработка проблем толерантности как в теории, так и формирование и воспитание терпимости и понимания иных личностей и систем ценностей на практике. Весьма существенную роль в решении указанной задачи играет культурная антропология и (психологическая антропология).

В заключении рассмотрения образа мира – образа человека (личности) хотелось бы предостеречь от поверхностного понимания проблем, которые рождены глобальными интеграционными процессами. Поверхностное понимание глобальных процессов «универсалистами-прогрессистами», слепо верящими в технологическое решение всех проблем на Земле породило столь же неглубокий «антиглобализм», острие которого направлено на Макдональдсы и Голливуд. Американские фильмы столь же разнообразны как формы жизни на Земле, а феномен Голливуда – «фабрики грез» очень сложное явление современной культуры, слабо осмысленное в современных социопсихологических теориях, как и феномен индустриальной культуры, «цивилизации иллюзий» в целом. Все

же западная культура, как и все другие, есть сокровищница человечества. Правда ее образ, так же как и западной личности сильно искажен в доктринерских и идеологических построениях «универсалистов». Личность ведь не только потребляет со всё возрастающей скоростью, а и созидает, творит, страдает... Безусловно без автономности в действиях трудно себе представить индивидуальность. Но все же индивидуальность осуществляется на своеобразной культурной и специфически личностной основе. А точнее при соединении этих двух начал. Индивидуальность не сводится к эгоцентрическому, корыстному индивидуализму. Индивидуальность невозможна у Робинзонов или в рамках замкнутого Эго, она осуществляется и формируется во взаимодействии с миром людей, в становлении отношения Я – другие. Именно те индивиды, которые смогли более успешно понимать окружающих людей, можно сказать получали от них энергию поиска, творчества, созидания и создали великую европейскую культуру. А те, которые считали, что есть только их собственное «Я», могли в лучшем случае получить доход и наслаждаться им. (см. «Скупой рыцарь» А.С. Пушкина).

Глобализация, миграции и особенности этнодемографических процессов в Европе, США, России..

В предшествующем изложении было показано значение культурной антропологии, как дисциплины, изучающей разнообразие в образе жизни людей, для общей концепции глобализации. Не меньшую роль играет культурная антропология и этнопсихология для создания модели личности функционирующей в разнообразных этнокультурных условиях, в различных цивилизациях – метакультурах. Еще большее значение психоантропологические знания имеют при решении широкого диапазона задач, возникающих в результате все увеличивающихся потоков миграции, населения с различной культурной идентичностью. Круг проблем, который формулирует реальность начала XXI в. весьма разнообразен. Видимо, все же центральной задачей является адаптация вынужденных переселенцев к новым социокультурным условиям. Поток мигрантов такого типа связан с повышенной межэтнической и межконфессиональной напряженностью (вплоть до вооруженных столкновений), существующая во многих уголках земного шара, в том числе и в России. Другая форма миграции связана с движением антропопотоков из стран с низким органическим строением

капитала (низкий уровень заработной платы) в индустриально развитые области с более высоким уровнем оплаты труда. Эта форма миграции жизненно необходима для воспроизводства экономической системы в развитых странах. Особенно это касается стран Западной Европы. Такая же проблема существует в США и России.

В ближайшие 15-20 лет ввиду резкого изменения демографической ситуации в Северной Америке, Европе и России и необходимости роста экономики, сохранения жизненных стандартов необходимо резкое увеличение миграции рабочей силы. В большей степени и в ближайшее время это затронет страны Западной Европы, в которых прогнозируется уменьшение населения, что не менее важно его «постарение». К 2050 в Западной Европе соотношение работающих и пенсионеров составит 2:1 (2000 г. 5:1). Абсолютное сокращение населения к 2050 г. по прогнозам составит почти 130 млн. человек (2000 г. – 494 млн, 2050 – 365 млн.). Бывший министр торговли США П. Петерсон так характеризует складывающуюся ситуацию: «В течение следующих тридцати лет правительства большинства развитых стран должны будут израсходовать дополнительно от 9 до 16% ВВП только на то, чтобы выполнить данные пожилым гражданам обещания. Для этого нужно будет изыскать немислимые 25-40% из зарплат работающих⁵⁰. Один из немногих выходов из создавшегося положения – 60-кратное увеличение потока иммигрантов в страны ЕС. В ближайшие годы речь идет о 75 млн., а к 2050 году о 1,4 млрд. иммигрантов из Африки и Ближнего Востока⁵¹. Сходные проблемы существуют в США и России, в связи с массовым выходом на пенсию послевоенного поколения (в США) и резким спадом рождаемости в России в 90-х годах XX в. Самая существенная проблема - создание прогноза поведения масс людей с различной культурной идентичностью и «культурной дистанцией», планирование практических мер, способствующих адаптации к культурному шоку» и тормозящих факторов, способствующие возникновению межэтнической напряженности и конфликтам. В решении таких сложных задач необходимо объединение этнопсихологов всех видов, а также культурных антропологов и социальных психологов самой различной ориентации

Примечания.

¹ См. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. С.89–91; С. 246–253; С. 117–122.

² *Мартин Г.-П., Шуманн Х.* Западная глобализация. Атака на процветание и демократию. М., 2001. С.139–142.

³ Там же. С. 226–230 (§ Бразилия как всемирная модель).

⁴ Там же. С. 259–282. См. также Бек У. Что такое глобализация? С. 101–116; С. 276–279.

⁵ Одно из немногих исключений представляет собой теория Архуна Аппадурай о ландшафтах личности «ethnoscapes», которые взаимодействуют с «technoscapes», «ideoscapes», «media scapes» и т.д. См. Бек У. Указ. соч. С. 98–101.

⁶ См. Meadows D. H et al. *The Limits to Growth*. N.Y., 1972. Mesarovic M., Pestel E. *Mainkind at the turning point*. N.Y., 1974.

⁷ Имеется ввиду совершенно новая форма организации бизнеса независимая ни от правительств, ни от крупных корпораций. Осуществлена в Латинской Америке в виде проекта Аделла. См. *Печчеи А.* Человеческие качества. М., 1985. С. 90–96.

⁸ Цит. по А.Печчеи. Человеческие качества. М., 1985. С.123–124.

⁹ Указ. соч. С.280–310. (Гл. 9. Шесть целей для человечества).

¹⁰ Указ. соч. С. 159.

¹¹ *Lorenz K.* *Der Abbau Des Menschlichen*. Munchen, 1983. P. 279–280.

¹² *Тинберген Я.* Пересмотр международного порядка. М., 1980. С.85.

¹³ Указ. соч. С. 86–87.

¹⁴ См. Указ. соч. С.31–42.

¹⁵ Особенно явно проявилась невозможность решать какие-либо глобальные проблемы, используя постмодернистские походы в сборнике «Сумерки глобализации» (М., 2004), имеющим боевой подзаголовок «Настольная книга, антиглобалиста». Если зарубежные социологи пытаются выразить особенности современного мира в социально-структурных и стоимостных категориях, то наши отечественные антиглобалисты – философы используют для этого третичные (даже не вторичные) квази-философские построения постмодернистов, не способных по определению к какому-либо конструктивному анализу. Опутанности парадоксами постмодернизма не избежал и А.Панарин в своей интересной книге «Искушение глобализмом». М., 2002. Но, что действительно удивляет так это отсутствие культурно-психологического аспекта как в «Сумерках глобализации», так в книгах А. Панарина, в том числе в последней его (к сожалению) работе «Стратегическая нестабильность в XXI в. (М., 2003).

Безусловно, что философское противостояние Ю.Хабермаса-М.Хайдеггер в вопросе глобализации очень важно, но оно все очень далеко от динамичной реальности.

¹⁶ Интересно, что и Я.Тинберген, и С.Хантингтон употребляет понятие «модель», модели формирующие поведение людей.

¹⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 511.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

.

²² Указ. соч. С. 508, С. 512.

²³ Указ. соч. С. 282.

²⁴ Там же.

²⁵ Указ. соч. С. 527.

²⁶ Указ. соч. С. 532.

²⁷ Указ. соч. С. 531.

²⁸ Указ. соч. С. 526.

²⁹ Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске: основные понятия геополитики // Классика геополитики. XIX век. М., 2003. С. 597. Примечание.

³⁰ Указ. соч. С. 597.

³¹ Переслегин С. Самоучитель игры на мировой шахматной доске: законы геополитики. М., 2003. С. 701. Примечание.

³² Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2001. С. 121.

³³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 108.

³⁴ Там же.

³⁵ Уткин А.И. Мировой порядок в XXI веке. М., 2001. С.51; Held D. et al Global Transformations Politics, Economics, Culture. Cambridge, 1999. P. 6. Цит. По : Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2001. С.118.

³⁶ Smith A. Toward a Global Culture // The Global Transformation Reader. Cambridge, 2000. P. 240. Цит. по: Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2001. С. 124–125.

³⁷ Held D. et al Global Transformations... P. 4. Цит. По указ. соч. А.И.Уткина С.44.

³⁸ *Falk R.* World Order. Old and New // Current History, January 1999. С. 32–33.

Цит. по указ. соч. А.И.Уткина. С. 50.

³⁹ *Селигман Б.* Основные течения экономической мысли. М., С. 457.

⁴⁰ Указ. соч. С. 461.

⁴¹ *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения... С. 417–418.

⁴² *Уткин А.И.* Указ. соч. С. 118.

⁴³ *Фромм А.И.* Иметь или быть? С., 1990. С. 154.

⁴⁴ *Peirce Ch.* Values in a Universe of Chance. N.Y., 1958. P. 381.

⁴⁵ *Джеймс У.* Воля к вере. М., 1997. С. 291, 293.

⁴⁶ Более подробно о прагматизме см. *Богомолов А.С.* Буржуазная философия США XX в. М., 1974. С. 36-118; *Джохадзе И.* Неопрагматизм Ричарда Рорти. М., 2001.

⁴⁷ *Хайек Ф.А.* Познание, конкуренция и свобода. СПб., 1999. С. 94.

⁴⁸ См. *Лейбин В.М.* «Модели мира» и образ человека. М., 1982. С. 184-188.

⁴⁹ См. Хантингтон С., Бергер П. (ред.) Многоликая глобализация. Культурное многообразие в современном мире. М., 2004.

⁵⁰ *Уткин А.* Полюс богатства против полюса населения. Иммиграция и исламская экспансия грозят Западу судьбой Древнего Рима // Независимая газета. 26 марта 2003. Все статистические данные приводятся по данной публикации.

⁵¹ Там же.

Литература

Бек У. Что такое глобализация? М., 2001

Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и глобализация как американизация // Вопросы философии 2004 № 5.

Лейбин В.М. «Модели мира» и образ человека. М., 1982.

Мартин Г.П., Шуман Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию. М., 2001.

Печчеи А. Человеческие качества. М., 1985.

Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно измерит нашу жизнь. М., 2007.

Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2001

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Хантингтон С. Кто мы? М., 2004.

Хантингтон С., Бергер П. Многоликая глобализация. М., 2004.

Хердт М., Негри А. Империя. М., 2004

Ходд Э. После империи. М., 2004.

Хомский Н. Прибыль на людях. М., 2002..

Фукуяма Ф. Америка на распутье. М., 2007. .